

Джехёк обычно принимал сторону Сиху во всём, что его касалось, и в этот раз не было никакой «стороны» — в конце концов, их застали за обсуждением того, кого не было рядом.

Провожая взглядом удаляющуюся фигуру Иджуна со странным чувством, Джехёк вдруг услышал голос Сиху:

— Разочарован?

— А?

— Похоже, тебя задело, что он ушёл первым.

Сиху опустил ресницы, и голос его — мягкий шёпот — коснулся ушей Джехёка.

— Разве ты не рад меня видеть? — дразнящий тон, с оттенком игривого разочарования, щекотал слух.

Джехёк бессознательно напрягся.

В последнее время — ну, по крайней мере со вчерашнего дня — Сиху вёл себя немного иначе.

Как и заметил Иджун, они никогда не вели себя открыто близко.

Поэтому Сиху сейчас казался... по-новому непривычным.

Не то чтобы Джехёк возражал. Наоборот, ему нравилось.

...Очень.

Они всегда называли друг друга близкими друзьями, но никогда не вели себя как настоящие друзья.

Это было вполне естественно — Джехёк был не из таких, и Сиху тоже. Но сейчас Сиху выглядел так, будто намеренно давал понять, что он — самый близкий человек для Джехёка.

Джехёк, если честно, не возражал. Наоборот, он приветствовал это.

— Всё не так. Обычно после душа мы идём в кампус вместе, но сегодня он ушёл раньше... я просто хотел проверить, всё ли с ним в порядке.

— Вы моетесь вместе?

Сиху слегка склонил голову, задавая вопрос. Его взгляд, устремлённый на Джехёка сверху вниз, руки скрещены на груди, был странно нечитаемым.

По горлу Джехёка пробежала странная сухость, и он облизнул губы.

— Для спортсменов это нормально, разве нет?

Произнесённое вслух, это прозвучало странно. Как и сегодня утром, когда он внезапно осознал то, на что раньше никогда не обращал внимания.

Сиху молчал мгновение. Он улыбался, но выглядел... взволнованным.

Люди часто говорили, что Сиху трудно читать, но Джехёк улавливал тонкие изменения в его настроении. Возможно, потому что всю жизнь он привык считывать реакции окружающих.

— Понятно.

Сиху выглядел так, будто хотел сказать что-то ещё, но через несколько секунд просто улыбнулся и отпустил это.

Это задело Джехёка.

Оставлять так просто было неправильно, и, помедлив немного, он снова заговорил:

— Мы с Ким Иджуном не так уж близки. Я знаю, это звучит по-детски, но... тебе показалось, что это важно, вот я и хотел сказать.

Сиху приподнял бровь. Он выглядел... удивлённым. Словно не ожидал этого.

— Вчера ты сказал, что мы стали отдаляться. Но я так не думаю. Ты и так занят, так что не переусердствуй ради меня. То есть... что я хочу сказать — не волнуйся за нас.

Сиху молча слушал его, а затем внезапно тихо рассмеялся.

— Знаешь, Джехёк, я делаю только то, что хочу. Я делаю это, потому что мне нравится.

Сиху развёл руки в стороны и протянул ладонь.

— И ты мне нравишься.

Протянутая к нему рука была бледной.

Джехёк моргнул.

Почему-то он просто смотрел на неё какое-то время — и слова, и рука одинаково поразили его.

Когда он не сдвинулся с места, Сиху снова рассмеялся, на этот раз ярче.

— Давай, возьми меня за руку, Хёк-а.

— ...За руку?

Осознание пришло к Джехёку на мгновение позже, и по затылку медленно разлилось тепло.

Они стояли прямо у выхода из спортзала — на виду, где их мог увидеть кто угодно. И он должен взять за руку своего друга?

— Мы же говорили о практике, помнишь? Со вчерашнего дня.

Джехёку даже не пришлось спрашивать, почему.

В тот момент, когда он увидел, как Сиху слегка отворачивается, всё стало ясно.

Он думал, что Сиху не вспомнит прошлую ночь, но... он помнил.

— Нам... обязательно держаться за руки?

Теперь, когда эта «практика» начала обретать форму, в животе неприятно заныло.

Касаться рук казалось слишком интимным.

— Если бы мы встречались, мы бы хотели держаться за руки, верно?

Сиху сделал шаг ближе.

Его голос, словно весенний ветерок, мягко коснулся ушей Джехёка — лёгкий, тёплый, задевающий что-то глубоко внутри.

— Но я только что принял душ. Рука ещё мокрая.

И всё же, разве держаться за руки — это нормально для друзей?

Джехёк колебался, не в силах полностью отбросить последние остатки сомнений.

И тогда, тем же мягким, уговаривающим тоном, Сиху прошептал:

— Когда кто-то тебе нравится, такие мелочи не имеют значения.

В груди Джехёка что-то кольнуло.

То странное ощущение снова заскреблось под рёбрами, так невыносимо щекоча, что хотелось прижать ладонь к груди, чтобы унять его.

Слово «нравится» кружилось внутри него, эхом повторяясь снова и снова.

Может, потому что он не привык слышать это от кого-то?

Но, с другой стороны...

Ведь его уже любили раньше.

Он встречался с людьми.

Хон Рина, например. И ещё несколько бывших девушек, которые приходили и уходили.

Но с ними он никогда не чувствовал ничего подобного.

Теряясь в замешательстве, Джехёк ухватился за самое логичное объяснение, какое только мог найти — это всего лишь вопрос признания.

Это потому, что он подтверждал свою значимость для Сиху.

Вот почему это казалось таким... значительным.

Слышать от Сиху «ты мне нравишься» — это многое значило.

До университета Сиху был единственным человеком в жизни Джехёка.

Все школьные годы Джехёк тащил на себе слухи, которые распустил Чхве Джинён.

Хотя слова были невидимы, они прилипали к нему, как пятно — шептались за спиной, бросали в лицо.

Что он сирота, брошенный родителями.

Что он до сих пор мочит постель по ночам.

Каждое из них — жестокое, унижительное, удушающее.

Нельзя судить о вещи по её поверхности.

Как нужно разрезать что-то и заглянуть внутрь, чтобы понять, что это на самом деле.

Были люди, которые пытались подойти к Джехёку поначалу.

Но как только они слышали слухи, каждый из них уходил.

Никто никогда не останавливался, чтобы раскрыть его и найти правду.

Кроме Сиху.

К тому времени, как имя Джехёка обросло бесчисленными историями по всей школе, Сиху уже всё знал.

И он был единственным, кто всё равно подошёл к нему.

Как раз тогда, когда Джехёк погружался в тихое тление, похороненный под бесконечными насмешками и злобой.

В семнадцать лет он уже перестал пытаться что-то объяснять.

Поначалу он пытался прояснить правду. Бесчисленное количество раз. Но это никогда не работало. В конце концов он сдался и начал огрызаться.

Первый раз он ударил кого-то, когда безымянный одноклассник насмеялся над его покойными родителями. После этого на него набросились четверо парней. И он дрался с ними, пока кулаки не онемели.

Результат оказался плачевным.

Вместо родителей в школу вызвали тётю, и она кланялась, извиняясь за него. Той ночью, узнав новости с опозданием, дядя отозвал Джи Джехёка в сторону и избил его. Тяжёлая рука обрушилась на его щеку. Череп гудел, а во рту поселилась неприятная онемелость. Он молчал, пока его хлестали туда-сюда, пока от неудачного удара не пошла из носа кровь, стекая и смачивая губы, прежде чем наказание наконец закончилось. Вместе с этим прозвучала угроза — если он ещё раз ввяжется в неприятности, футбол не спасёт, его выгонят из дома.

Смирение не было для Джехёка выбором. Оно было навязано ему.

Слух о том, что он один дрался против четверых, означал, что прямых конфликтов он впоследствии избежал. Вместо этого его наказали изоляцией. Никто не приближался к нему. Долгое время он жил, укрываясь за спинами других, растворяясь в их фоне.

До встречи с Юн Сиху таким был Джи Джехёк. Так что, возможно, то, что он чувствовал сейчас, было совершенно оправданно. Внимание Сиху имело власть двигать им.

В конце концов пальцы Джехёка дрогнули. Раз Сиху сказал ему это сделать, он сделает, но тело подчинялось неохотно.

— Ничего, если люди увидят?

Очередной ненужный вопрос сорвался с губ. Он знал, что говорит слишком много для такого простого действия, как взятие за руку.

— Конечно.

Голос Сиху был настолько беззаботным, почти весёлым, что Джехёк растерялся.

— Вряд ли это случится, но... что, если люди неправильно поймут и решат, что мы встречаемся? Тогда про тебя пойдут ненужные слухи.

Пока он продолжал бормотать, Сиху молча прищурился, словно спрашивая: «И что?»

— Ты не хочешь держать меня за руку?

— Нет.

Тогда в чём проблема? Сиху игриво пошевелил своими бледными пальцами. Джехёк глубоко вздохнул. Да, это ничего не значит. Друзья тоже могут держаться за руки. К тому же это всего лишь практика. Способ подготовиться к будущему, чтобы его больше не бросали из-за какой-то глупости.

Колеблясь, Джехёк наконец набрался смелости и положил свою ладонь на ладонь Сиху. Движение вышло неуклюжим. Хватка была жёсткой, нерешительной. Сиху тихо усмехнулся, но Джехёк не услышал этого — он был слишком поглощён тем, насколько чужим было прикосновение Сиху.

В отличие от Джехёка, Сиху был мягким. По сравнению с его собственными руками, огрубевшими от долгих лет спорта, ладонь Сиху была такой гладкой, что Джехёку казалось, будто он может испачкать её одним лишь прикосновением.

— Вообще-то, так это не делают.

В этот момент Сиху добавил ещё одно замечание. Как только Джехёк услышал это, он вздрогнул и попытался отдернуть руку. Но хватка Сиху стала крепче. На удивление, его удержание оказалось гораздо сильнее, чем ожидалось.

— Когда люди встречаются, они естественным образом начинают хотеть прикоснуться друг к

другу.

А... вот что он имел в виду.

Неловко Джехёк позволил своей руке остаться на месте. Но напряжение не покидало его тело.

— Да... наверное, ты прав.

Хотя мысли его были в смятении, он всё же пытался отвечать на слова Сиху. Вспоминая, почему его бросали, это имело смысл — отсутствие физической близости было частью причины.

— Но раз ты так боишься такого рода вещей...

Сиху чуть ослабил хватку, но лишь для того, чтобы переменить положение их рук. На этот раз он не просто накрыл ладонь Джехёка сверху, а переплел их пальцы.

— Я тебя предупредил.

Джехёк опустил взгляд на их теперь переплетённые руки. Он никогда раньше не держался за руки так. Осторожно, но без колебаний, пальцы Сиху мягко сплелись с его. Это выглядело... странно красиво. В отличие от слегка загорелой кожи Джехёка, руки Сиху были бледными, и казалось, будто он окутан чем-то мягким.

— Я не боюсь.

К голове прилил жар.

— Тогда скажу, что ты смущаешься.

— Я не смущаюсь. Я просто...

В животе заныло, жар смешался с чувством неустойчивости. Земля под ногами словно накренилась, но в то же время чем ближе он был к Сиху, тем сильнее напрягался.

Не пора ли уже отпустить? Разве это не странно? Я не такой нежный, как он, я просто... ничтожество.

Сиху, я боюсь приближаться.

Потому что, как только мы станем ближе, ты раскусишь меня и отпустишь.

— ...Я просто не привык.

Джехёк проглотил свои настоящие мысли и замолчал. Внезапно вываливать чувства, которые он никогда никому не рассказывал, было бы нелепо. Вместо этого он плотно сжал губы и зашагал вперёд. Впереди простирался спуск, где ранее скрылся Ким Иджун. Поскольку их руки всё ещё были соединены, Сиху естественным образом последовал за ним.

Несколько минут они шли молча. Вокруг было тихо. Кроме утренних лекций по общим предметам, матчей или фестивалей, территория вокруг спортзала обычно была такой — пустынной. Большинство студентов пользовались маршрутным автобусом с другой стороны, так что эту дорогу знали лишь немногие.

Пока они медленно шли, мимо них пронёсся прохладный ветерок. Лепестки сакуры, которые трепетали в воздухе ещё вчера, сегодня продолжали осыпаться, словно снег. Поскольку деревья только начали цвести, они, вероятно, будут окрашивать кампус в розовый цвет ещё около месяца.

<http://bllate.org/book/13227/1739090>